Гедимин Всеволод Владимирович

Дружили с пленными немцами

Семья моего прадедушки, Гедимина Всеволода Владимировича, жила на Кондратьевском проспекте в доме № 83, в квартире 35. Дом был двухэтажный, деревянный, в нем жило несколько семей. Самая большая квартира была у моих родных: 4 комнаты, большая кухня, огромная прихожая и узкий коридор. Очень кстати была просторная лестничная площадка второго этажа и лесенка, ведущая на чердак. Все это получил папа моего прадедушки, Гедимин Владимир Адольфович, в качестве служебного жилья как главный бухгалтер совхоза «Ручьи». Мама прадедушки работала учительницей начальных классов в школе № 132 на Лабораторном проспекте (сейчас это здание МЧС России), звали ее Александра Ивановна. У них было трое детей: старшая дочь Нина (к началу войны - выпускница средней школы), старший сын Сева (подросток 13 лет, теперь это мой прадедушка и ему уже много лет - 81 год), младший 9-летний сын Алик (Валентин). Вместе с ними жили и их дедушка Ваня и бабушка Соня.

22 июня 1941 года в 9 часов утра Нина уехала с друзьями в ЦПКиО отмечать окончание школы. Сыновья еще спали, а их мама писала письмо своей младшей сестре, уехавшей два дня назад в Белоруссию вместе с мужем и 9-летним сыном. На кухне бабушка Соня пекла пироги и заваривала ароматный чай, чтобы всей семьей позавтракать в это воскресное утро. Она представляла вечерний ужин, на который соберутся все друзья ее старшей внучки, будущие студенты медицинского ВУЗа. В 12 часов дня в Ленинграде было объявлено о начале войны с Германией. Трудно передать словами то, что они чувствовали тогда, но кое-что можно представить: громко заплакала моя бабушка и запричитала ее мать - ведь часть семьи была на территории Белоруссии, где уже рвались снаряды и гибли люди. Позже они узнали, что все члены семьи, которые были на оккупированной территории, оказались в партизанском отряде. Внезапно приехала Нина с друзьями, и начались тревожные обсуждения теперь уже новой жизни.

В июле 1941 года были эвакуированы в пригородную зону дети-школьники нашего района. Тогда еще никто не знал, что это уже опасно. В своем дневнике, который мой дедушка Сева начал вести 22 июня 1941 года, он описал эвакуацию детей в вагонах и их возвращение назад через несколько недель со станции «Хвойная». Самое удивительное для меня сейчас то, что мама дедушки Севы руководила погрузкой детей в пассажирские вагоны, которые отправлялись обратно в Ленинград. Ей, слабой и беззащитной женщине, удалось связаться с ближайшей военной частью летчиков-истребителей и выпросить два самолета (!) для сопровождения поезда, которые и следовали над теми вагонами, где были дети. Это спасло жизнь всем, кто ехал в поезде, так как началась бомбежка.

Сентябрь 1941 года. Мой прадедушка и его брат еще учатся в школе, но уже много помогают в дворовой бригаде, которая охраняет деревянные строения, убирает территорию, заготавливает дрова и даже разгружает машины с ранеными и проносит им воду. Все это - на Кондратьевском проспекте, недалеко от Богословского кладбища, совсем рядом с моим домом, где сейчас живет моя любимая семья, - на ул. Замшина, дом № 31, корпус 3.

Самой страшной была зима 1941-1942 года. В доме, где жила семья моего прадедушки Севы, после бомбежек осталось всего две семьи: многие умерли от голода, от ранений, потерялись в нескончаемых очередях. По Кондратьевскому проспекту ежедневно двигались автобусы с ранеными, на санках ленинградцы

везли погибших родственников, а на обочинах подчас неделями лежали брошенные трупы.

Дети ходили в школу не только учиться, но и выживать - ведь там давали какую-то горячую пищу. А еще дети собирали бутылки для зажигательной смеси, чтобы из них на заводах делали стеклянные гранаты. Самым тяжелым моментом школьного дня была перекличка в холодном классе, когда учитель называл фамилию ученика и в ответ слышал: «Умер вчера». Однажды, возвращаясь домой после уроков от Лабораторного проспекта через пустынное поле к своему дому на Кондратьевском, прадедушкина мама вместе с младшим Аликом попала под бомбежку. Девятилетний Алик быстро нырнул в какую-то канаву, а его мама в панике добежала до крыльца дома. Когда обнаружила, что сына нет рядом, сердце матери оборвалось… Но через какое-то время после отбоя воздушной тревоги возле дома появился живой и здоровый мальчик. Как ни странно, даже в столь трудное время в сплоченной семье было место для шуток. Дедушка Сева много раз вспоминал о том, как подтрунивали друг над другом дети, собираясь по сигналу воздушной тревоги в земляную щель рядом с домом.

Удивительное мужество и непоколебимая вера самой старшей женщины в нашей семье - бабушки Софьи Владимировны, спасала семью много раз: во время самых страшных артобстрелов и налетов она собирала всех в узком коридоре квартире и громко молилась и читала библию все это время. Думается, ответом на ее просьбы к Богу явилось то, что все члены семьи остались живы, за исключением ее мужа, Ивана Гавриловича, - моего прапрадеда. Он простудился в марте 1943 года, так как воздушной волной от взрыва бомбы выбило все стекла в квартире. Он тяжело заболел и умер. Это были первые похороны, которые организовал дед Сева в возрасте четырнадцати лет. За буханку хлеба он нашел место на Богословском кладбище и долго дожидался, пока голодные работники выроют могилу. Сейчас там похоронены многие члены нашей семьи. В изголовье их памятников висит на ограде своеобразная эпитафия, которую написал дедушка Сева: «Прахи здесь ленинградцев, проживших блокаду: мой отец вместе с мамой и с бабушкой, дед, пережившие ужас блокадного ада, артобстрелы, бомбежки и радость побед, сохранившие в жизни добро и уменье, и любившие дело не ради наград, вековечное в людях людское терпенье и к тебе уваженье, родной Ленинград…Пусть в тиши Богословской шумят им березы и искрится вино в дни нечастых помин, пусть тепло Пискаревки согреет в морозы. Крепко спите, родные… Ваш сын Гедимин».

Спасла семью дружба и забота друг о друге, многие погибали от того, что не могли донести до дому пайку хлеба, даже если знали, что их ждут голодные родственники. А в нашей семье никто не позволял себе такого. Каждый кусочек делился на всех дома.

Интересный случай в блокадном городе произошел с моим дедом 5 января 1942 года (кстати, в его день рождения). Он пошел в Большой драматический театр на Фонтанку на новогоднюю елку и посмотрел спектакль «Дворянское гнездо». Пешком от Кондратьевского проспекта до театра! И обратно! В сорокаградусный мороз! В качестве новогоднего подарка дети получили обед из трех блюд: суп, каша и фруктовое желе. Любящий сын решил сделать маме подарок - желе! Он завернул его в программку и положил в карман. По дороге был сильный обстрел, и приходилось то ложиться на землю, то стремительно спускаться в убежище. Можно представить его удивление, когда в кармане ничего не оказалась, кроме мокрого пятна. Но он же был именинник - и брат испек ему дурандовый пирог с остатками довоенного варенья.

На Кондратьевском проспекте прямо во дворе нашего дома располагалась воинская часть. Надо сказать, что самые теплые и дружеские отношения связывали командира и его бойцов с семьей моего прадеда: военные делились продовольствием, подкармливая голодных подростков, частенько проводили вечера в дружной семье - и тогда становилось не так тягостно и страшно всем под вой сирен и грохот артобстрела темной блокадной ночью. Однажды комендант военной части привел на кухню двух пленных немцев, совсем молодых солдат, которые так же голодали, как и все в Ленинграде. Он приказал им до конца войны помогать бабушке по хозяйству, то есть добывать дрова, носить воду и делать все, что ни попросят. Звали их Курт и Ганс. И, что удивительно, старенькая бабушка Соня и вся семья приняла их очень по–доброму, никто не обижал их, не оскорблял, наоборот – помогали, чем могли, общались, дружили. По окончании войны их отправили в Германию. До сих пор дедушка Сева вспоминает, как трогательно прощались с ними и он, и его брат с сестрой, и все взрослые. Так хочется ему знать, где они и как сложилась их судьба.

Потрясающим событием стал прорыв Ленинградской блокады, который, как самый важный праздник, отмечается в нашей семье и по сей день. Мои дорогие родные всегда вспоминали пугающую тишину глубокого вечера 18 января 1943 года, наступившую внезапно после страшнейшего артобстрела. Почему-то решили, что в город вошли враги, и мальчишки решили отбиваться до последнего патрона с чердака дома, на котором у них, как и положено было в то суровое время, находилось кое-какое оружие (что приводило в ужас их маму, не понимавшую, что каждый подросток в этом городе чувствовал себя бойцом). Но спасло ситуацию радио. Поздно вечером, наконец, зачитали сообщение Информбюро «В последний час» о том, что блокада Ленинграда прорвана и войска Ленинградского и Волховского фронта соединились, затем сообщение от управления торговлей об увеличении всем ленинградцам нормы хлеба на 100 г. Гром «Интернационала» завершал долгожданные известия. Так повторялось много раз в течение всей ночи по всему городу! Ленинградцы плакали...

Мы с дедушкой Севой часто играем в викторину «Мой город-герой», и он всегда выигрывает, потому что знает ответы на все вопросы, ведь он жил в этом городе и победил самое страшное - смерть.

Харлапенкова-Гедимина Лиза, ученица 4-А класса ГОУ «Брюсовская гимназия № 192»